

ЗАКОПАННЫЕ СТВОЛЫ

Вопрос о потерях артиллерийских орудий российскими войсками в ходе Отечественной войны 1812 года не терял своей актуальности на протяжении почти 200 лет со времени той войны. Причина, на наш взгляд, в том, что потеря орудия приравнивалась к потере знамени, а артиллерийских офицеров не велено было представлять к наградам, если в их подразделениях потеряны орудия. Поэтому в разного рода реляциях о баталиях сообщалось о людских потерях и, как правило, умалчивалось о потере орудий. Зачастую эти потери уменьшались. Это было возможно скорее всего потому, что потеря орудий быстро восполнялась за счет запасных артиллерийских бригад и входивших в них рот. Даже император не получал информации о количестве потерянных орудий, несмотря на неоднократные требования, адресованные М.И. Кутузову.

Не лучше обстояло дело и с докладом Главнокомандующему о результатах Бородинского сражения. Рапортуя императору 29 августа 1812 г. об итогах сражения, Кутузов умолчал о своих потерях, но упомянул о 40 тыс., потерянных неприятелем¹. Нет сведений об утраченных 2-й Западной армией орудиях и в рапорте начальника ее артиллерии К.Ф. Левенштерна Кутузову, датированном сентябрем 1812 г.² Однако в приложенный к рапорту список 75 артиллерийских офицеров, представляемых к награждению за отличия в сражении 24-26 августа 1812 г., Левенштерн включил и командиров тех артиллерийских рот, которые потеряли орудия, например командира 23-й батарейной роты подполковника Л.Л. Гулевича, потерявшего 12-фунтовую пушку, командира 5-й конной роты подполковника Д.Ф. Кандыбу, потерявшего три //пудовых единорога и три 6-фунтовые пушки, командира 12-й батарейной роты подполковника Р.А. Винспера, потерявшего орудия в Шевардинском редуте³. Поручик 12-й легкой роты Н.Е. Митаревский вспоминает, что и его командир роты подполковник И. С. Пустошкин тоже был награжден, хотя рота потеряла две 6-фунтовые пушки и два /Л-пудовых единорога⁴ в сражении 26 августа.

Даже в «Описании сражения при селе Бородине», подготовленном, вероятно, К.Ф. Толем в сентябре 1812 г., не указано количество потерянных в сражении орудий, но зато впервые определены людские потери в 25 тыс. человек⁵. И только из ведомости от 14 сентября 1812 г. об артиллерийских потерях 1-й Западной армии, подписанной О.И. Бухгольцом, сменившим погибшего А.И. Кутайсова, мы узнаем, что в Бородинском сражении в армейской артиллерии были «утрачены» 13 орудий и семь лафетов, в том числе: шесть / -пудовых единорогов, шесть 6-фунтовых пушек, одна 12-фунтовая пушка, пять / -пудовых лафетов и два 6-фунтовых лафета, причем все лафеты в 6-й конной роте, где не было утрачено ни одного орудия⁶. Нельзя не заметить, что рота имела только два запасных лафета. Тогда позволительно спросить: как же эта рота вывозила с поля боя пять стволов орудий с «утраченных» лафетов (масса ствола 6-фунтовой пушки 365 кг, а 12-пудового конного единорога 322 кг)?

В другом «Описании сражения при селе Бородине...», являющимся, по видимому, черновиком близкого по содержанию документа, составленного, возможно, Толем, но не датированного и опубликованного только в 1822 г., сказано, что неприятелю «досталось 13 орудий нашей артиллерии»⁷. В «Изображении военных действий 1-й армии в 1812 г.», составленном М.Б. Барклаем де Толли, утверждается, что в Шевардинском редуте неприятель захватил три орудия, а 26 августа, после ранения П.И. Багратиона, «все укрепления» на позиции его армии «с частью батарей достались неприятелю». Позднее и центральная высота «с частью артиллерии была взята» неприятелем⁸.

Интересное замечание содержит письмо А.И. Горчакова от 13 мая 1837 г. А.И. Михайловскому-Данилевскому о Шевардинском бое: «Кирасирская дивизия. пошла в атаку, опрокинула неприятеля и взяла у него четыре пушки. (Взятие коих нигде не упомянуто, а зачтено оными взамен числа потерянных нами в сражении 26-го августа)»⁹.

А.П. Ермолов в неопубликованном варианте рукописи своих записок об Отечественной войне 1812 года полагал, что наши войска оставили в Шевардинском редуте «в добычу неприятелю несколько пушек», а при взятии центральной батареи на бородинской позиции неприятелем захвачены «также несколько пушек»¹⁰.

В своем дневнике Э.Ф. Сен-При записал, что в бою за Шевардинский редут «мы потеряли три орудия, которые были подбиты»¹¹.

Подпоручик 12-й батареейной роты Н.М. Распопов утверждал, что его рота, стоявшая в Шевардинском редуте и возле него, потеряла только два орудия¹². При этом Распопов подчеркивал, что стоял отдельно. Значит, как минимум, в его подчинении были два орудия, расположенные вне Шевардинского редута. Следовательно, в редуте могло быть не более 10 орудий. Однако офицеры Великой армии Наполеона приводят различные сведения о количестве орудий, оставленных защитниками в Шевардинском редуте - от пяти до двенадцати¹³.

Отвечая в 1816 г. на вопрос Михайловского-Данилевского о том, «какую потерю претерпела артиллерия в Бородинском сражении», Левенштерн писал: «24 августа. при атаке нашего левого фланга в бородинской позиции во 2-й армии потеряно пять орудий, в самом же Бородинском сражении 26 августа отбито неприятелем и оставлено на месте сражения подбитых орудий всего в обеих армиях двадцать две пушки»¹⁴. Если верить ведомости Бухгольца, приведенной выше, то в сравнении с ответом Левенштерна выходит, что 2-я армия потеряла пять орудий в Шевардинском бою и девять орудий 26 августа (всего 14 орудий). Значит, общая цифра потерь орудий в российской армии за 24-26 августа составила 27 орудий.

Что касается историков, то они либо не приводят количества потерянных орудий, либо дублируют вышеприведенные данные Толя, а также Д.П. Бутурлина (13 орудий) и Михайловского-Данилевского (15 орудий)¹⁵.

Правда, М.И. Богданович, пытаясь подвести черту под спорами о потерях российской артиллерии в Бородинском сражении, написал в своем знаменитом труде, удостоенном Демидовской премии, что неприятелем «захвачено в бою, по различным не совершенно между собою согласным показаниям, от тридцати до пятнадцати орудий. Кроме того, достались в руки неприятеля некоторые из орудий, стоявших в наших укреплениях. Иностранные писатели уверяют, будто бы мы потеряли вообще до сорока орудий, но как, по очищении от неприятеля Московской губернии, найдено в окрестностях Бородина (именно у Колоцкого монастыря) всего-на-все семнадцать русских орудий, то и должно полагать, что ими ограничивались трофеи, приобретенные французами в Бородинской битве»¹⁶. При этом Богданович ссылается на сведения о сборе орудия на территории Московской губернии.

Из рапорта Кутузова императору от 20 октября 1812 г. мы узнаем, что казаки М.И. Платова захватили у Колоцкого монастыря 20 пушек¹⁷. Это подтверждает и журнал военных действий с 16 по 24 октября¹⁸. 23 октября

Платов уточнил, что у Колоцкого монастыря неприятель «оставил нам добычу» не 20, а 27 орудий¹⁹. Однако в письме П.П. Коновницына к А.П. Ермолову от 3 ноября фигурируют 26 орудий, «взятых под Колоцким монастырем и оставленных на месте»²⁰.

4 ноября, после сообщения сдавшегося унтер-офицера Ф. Бема, появляется предписание Коновницына капитану 3-й резервной артиллерийской бригады Фаустову следующего содержания: «Из влагаемой у сего записки (это был список оружия, представленный Бемом. - *А.С.*) увидите вы, что неприятель зарыл при Колоцком монастыре 27 орудий... Отправляемый при сем перешедший к нам от неприятеля прусской службы унтер-офицер Фридрих Бем с его товарищем покажет вам то место, где закопаны обозначенные орудия... Почему ваше благородие, взяв их с собою, извольте тотчас по получении сего отправиться к Колоцкому монастырю и, отрыв там все закопанные неприятелем орудия, о количестве и калибре оных рапортуйте мне. Нужных для сего предмета рабочих, материалы и все необходимое извольте требовать от московского гражданского губернатора, и как на него возлагается перевозка всего сего по назначению г. генерал-фельдмаршала, то вы о количестве отказанных вами орудий и прочего уведомьте его и потом возвратитесь к своему месту»²¹.

Фаустов выполнил возложенное на него поручение, о чем свидетельствует доклад московского гражданского губернатора Н.В. Обрезкова от 30 декабря 1812 г. Ф.В. Растопчину: «От господина генерал-лейтенанта и кавалера Коновницына для отыскания зарытого неприятелем при Колоцком монастыре оружия командирован 3-й резервной артиллерийской бригады капитан Фаустов. Об оказывании которому надлежащего в том пособия предписано было от меня Волоколамскому земскому исправнику, правящему таковую-ж должность и по Можайскому уезду (это был титулярный советник А.М. Беляев. - *А.С.*). После чего г. Фаустов и земский исправник доставили мне реестр открытым там орудиям с донесением от первого из них, что оные отправлены уже с находящимися в должности заседателя Можайского земского суда штата Московской управы благочиния квартальным поручиком Зверевым в Москву к здешнему г. коменданту, о чем имею честь почтеннейшее донести Вашему сиятельству, а для лучшего усмотрения прилагаю тем орудиям реестр»²². К рапорту Обрезкова была приложена «Выписка из реестра об неприятельских семи орудиях, остальные 17-ть русские». В выписке перечислены шесть стволов австрийских 6-фунтовых пушек и один ствол французской 6-фунтовой

пушки с указанием места и года изготовления, веса каждого ствола и описанием обнаруженных повреждений.

Е.Г. Болдиной удалось отыскать вышеназванный реестр под названием «При Колочском монастыре и вне оного вырытым орудиям, оружию, снарядам и прочему описание», подписанное «исправником Беляевым», составленное, очевидно, Фаустовым²³. В описании приведены сведения о 17 стволах российских орудий и семи стволах иностранных орудий по изложенной выше схеме. Российские стволы включали шесть стволов 12-фунтовых пушек средней пропорции, один ствол 12-фунтовой пушки малой пропорции, шесть стволов Уг-пудовых единорогов, три ствола Л-пудовых пеших единорогов и один ствол Л-пудового единорога «старой конструкции». Как видно, 13 стволов из перечисленных состояли на вооружении батарейных рот, располагавшихся, как правило, в полевых укреплениях, и четыре ствола легких рот, редко размещавшихся в укреплениях. Так, 7-я батарейная рота стояла в двух укреплениях на Новой Смоленской дороге у д. Горки и ниже (на восемь и четыре орудия). 12-я батарейная рота занимала огневую позицию в Шевардинском редуте и возле него. 26-я батарейная рота и шесть орудий 47-й легкой роты укрылись в центральном редуте. 11-я и 32-я батарейные роты располагались в Семеновских флешах (12 орудий 32-й роты в южном люнете, восемь - в северном и четыре - в средней флеша)²⁴.

Судя по приведенным выше мнениям участников Бородинского сражения, эти роты должны были бы утратить больше всего орудий. Однако по ведомости Бухгольца, из батарейных только 23-я рота потеряла одну 12-фунтовую пушку в бою возле центрального редута, шесть орудий потеряли 5-я и 12-я легкие роты, огневые позиции которых были в центре бородинской позиции. 5-я рота потеряла одну 6-фунтовую пушку и один Л-пудовый единорог, а 12-я - две 6-фунтовые пушки и два Л-пудовых единорога. 5-я конная рота, участвовавшая в бою за флеша, потеряла шесть орудий (три Л-пудовых конных единорога и три 6-фунтовых пушки). Из изложенного можно сделать только один вывод: количество утраченных орудий определяется главным образом не местом установки орудий, а интенсивностью боевых действий на том участке позиции, где они были потеряны. Место же установки орудий играло второстепенную роль в потере орудий в бою.

Нельзя не обратить внимания на характер повреждений 17 стволов российских орудий, брошенных неприятелем в Колоцком монастыре и подробно описанных Фаустовым в найденном реестре. 16 стволов оказались без диоптров, т.е. прицелов. На пяти стволах не было мушек. Три ствола были заряжены (два - гранатами, один - картечью).

У 12 стволов затравочные отверстия (затравки) оказались заклепанными. У 15 стволов было отпилено по одной цапфе. Один ствол был забит шпигелем. У восьми стволов был обнаружен значительный износ (разстрел), что безусловно влияло на меткость стрельбы. То, что не все стволы были заклепаны, говорит о неожиданности или стремительности захвата орудий противником, вероятнее всего - кавалерией. Незаклепанными оказались три ствола 12-фунтовых пушек, один ствол [^]-пудового и один - ¹/₄-пудового единорогов, т.е. четыре батарейных орудия и одно легкое. Вопрос о невозможности заклепать орудия отпадает, так как гвоздь для заклепки имелся на перевязи каждого фейерверкера и бомбардира.

Диоптр было легче всего сбить (отломать), поскольку это был стоечный прицел. Сбить мушку было сложнее - она имела почти пирамидальную форму и вставлялась с небольшим усилием в паз на дульном утолщении у самого среза. Запасная мушка входила в комплект принадлежностей каждого орудия.

Заряженными оказались три орудийных ствола, не успевшие выстрелить до захвата. Причем все три заряженных ствола были заклепаны. Заклепывать железным гвоздем заряженное орудие рискованно, так как искра от удара молотком по гвоздю могла вызвать взрыв порохового заряда в стволе. А шпигель мог быть забит в ствол бомбардиром от отчаяния, что приходится отдавать орудие, хотя он и заклепал его ствол.

Цапфы были спилены явно после того, как было принято решение оставить стволы в Колоцком монастыре, на тот случай, если россияне отыщут стволы, высверлят гвозди из затравок и захотят снова использовать откопанные стволы. Если отпилена цапфа, то ствол не будет держаться на лафете, а надежно приварить новую цапфу к прежнему стволу невозможно. Для возвращения стволу боевых возможностей его придется перелить, ствол с отпиленной цапфой навсегда выведен из строя. Кроме того, отпиливание цапф - длительная и трудоемкая процедура. О том, что цапфы отпилил неприятель, говорит и тот факт, что цапфы были спилены и у австрийских стволов, закопанных вместе с российскими.

Странно, но в реестре Фаустова отсутствует описание повреждений шестого австрийского ствола с № 287. Зная, что этот ствол, как и все другие трофейные стволы, должен был попасть в Московский Кремль, я обратился к описанию собранных там стволов генерал-майора артиллерии В.А. Петрова, где и нашел описание всех семи иностранных колоцких стволов. Французский ствол по имени «Красотка» (La Belle) с шифром Наполеона (буква «N» в венке под короной) был отлит в 1808 г. В реестре Фаустова про повреждения этого ствола сказано: «Затравка заклепана. В конце канала внутренняя часть окружности помята и много испорчена и притом с разстрелом»²⁵. Петров добавляет: «Дуло сильно побито как от картечи (была открыта у Колоцкого монастыря)»²⁶. Однако про цапфы ничего не сказано. Видимо, повреждения ствола были столь значительны, что его боевое использование исключалось. Поэтому и незачем было отпиливать цапфы.

Что же касается австрийского ствола под № 287, о повреждениях которого Фаустов умолчал, то и Петров ничего не сообщает²⁷. Петров подтверждает, что у австрийских стволов за № 103, 276 и 615 цапфы спилены, но не подтверждает это по стволам № 126 и 277²⁸. В данном случае мы склонны отдать предпочтение описанию Фаустова, сделанному в 1812 г., а не Петрова, описавшего все собранные в Московском Кремле 875 трофейных стволов почти на 100 лет позднее.

Разобравшись с состоянием стволов, откопанных в Колоцком монастыре, вернемся к утверждению Богдановича - «должно полагать, что семнадцатью русскими орудиями, найденными в окрестностях Бородина (именно у Колоцкого монастыря), ограничивались трофеи, приобретенные французами в Бородинской битве». Левенштерн считал, что российские войска 26 августа утратили 22 орудия, из которых 13 принадлежали из 1-й армии (по Бухгольцу). При этом на долю 2-й армии приходится утрата девяти орудий. Я уже не говорю об орудиях, утраченных россиянами в Шевардинском бою 24 августа. А ведь их количество ограничивается интервалом от 2 до 12, если учитывать сведения и Распопова, и офицеров Великой армии. Даже если предположить, что захваченные 24 августа орудия неприятель куда-то отправил или спрятал в доселе неизвестном месте, 17 открытых колоцких стволов не исчерпывают всех утрат орудий обеими русскими армиями 26 августа. Значит, утверждение Богдановича «должно полагать» необоснованным.

Однако!

Из рапорта Платова Кутузову известно, что казаки атаковали 19 октября неприятеля у Колоцкого монастыря и обратили его в бегство. При этом неприятель «бросил 20 пушек»²⁹. Рапорт Платова повторен и в журнале военных действий с 16 по 24 октября 1812 г.³⁰ 30 октября Кутузов приказал собрать все трофейные орудия в Москве. Сообщая об этом Ермолову, Коновницын писал: «... означенные орудия находятся теперь от Смоленска к Дорогобужу и оттуда к Вязьме, равно и в обоих тех городах... Из прежде взятых у неприятеля орудий одне отправляемы были чрез Серпухов в Тулу, а другие в Калугу, взятые же корпусом генерала Платова у Колоцкого монастыря 20 и в д. Цареве-Займище одно, всего 21 орудие, как я полагаю должны быть отправлены по Можайской или Малоярославецкой дороге, почему я прошу ваше превосходительство, забрав о направлении сих пушек нужное сведение, дать по мере сего ваши предписания, чтобы как сии, так и прежде отправленные в Тулу, Калугу и другие места орудия непременно перевезены были из тех мест в Москву. При сем случае я не лишним поставлю предварить ваше превосходительство, что некоторые из прежде посланных в Тулу орудий его светлость г. генерал-фельдмаршал позволил оставить при Тульском ополчении, почему ежли оные и теперь еще ему нужны, то их должно там оставить»³¹.

В октябрьской записке о захваченных трофейных орудиях Кутузов сообщал, что «взято у неприятеля. генералом Платовым у Колоцкого монастыря 27» орудий, и приписал: «От пленных, между прочим, от одного генерала французского, слышал я, что неприятель много утопил и зарыл пушек, сие известно и некоторым крестьянам. Я требую от губернаторов, чтобы оне принялись их отыскивать»³². И действительно откапывали! Например, в 1815 г. близ Борисовских укреплений саперы откопали шесть неприятельских орудий, отправленных в Московского Кремля³³. Рапортуя Кутузову 19 февраля 1813 г. о действиях казачьего корпуса в период преследования неприятеля от Малоярославца до Данцига, Платов писал, что «в 19-й день октября... Неприятель по сильном сопротивлении разбит... и отнято 27 орудий»³⁴.

Во исполнение указания Кутузова, одобренного императором, Коновницын 3 ноября попросил Ермолова, на которого Кутузов возложил организацию сбора трофейных орудий, «узнать от генерала Платова, куда именно отправлены им взятые в Колоцком монастыре и в деревне Цареве-Займище 21 пушка, о направлении которых он до сих пор не дал еще знать его светлости г. главнокомандующему». В приложенной к письму «записке

взятым у неприятеля орудиям» говорилось, что «под Колоцким - 26 - оставлены на месте»³⁵. Довольно странно, что в одном и том же письме сначала говорится о неизвестном местонахождении захваченных при Колоцком монастыре 20 орудий, а ниже - об их оставлении «на месте», т.е. в Колоцком монастыре, но уже в количестве 26. Не менее странно и необъяснимо увеличение числа орудий с 20 до 26.

На следующий день, 4 ноября, Коновницын предписал капитану Фаустову откопать и описать колоцкие стволы. Что было далее с откопанными стволами, уже известно. Можно только добавить, что семь иностранных трофейных стволов оказались первыми из 875, собранных в Московском Кремле. Что касается 17 российских стволов, то они были отправлены в Брянский арсенал на переплавку³⁶.

А вот судьба 20, 26 или 27 орудий, захваченных казаками 19 октября у Колоцкого монастыря, остается неизвестной. В различных ведомостях собираемых в Арсенале Московского Кремля трофейных орудий они в явном виде не показаны. Сообщений об их местонахождении в бумагах Ермолова, Платова и Главного штаба Кутузова до сих пор не обнаружено. Так что поиски придется продолжать.

И все же!

К моменту отправки капитана Фаустова в Колоцкий монастырь штабу Кутузова было известно, что в разных местах боев на пути от Москвы до Соловьевой переправы «взяты у неприятеля 224 орудия», в том числе «под Колоцким монастырем - 26, оставленных на месте»³⁷. Там же находились и закопанные неприятелем 24 (как выяснилось позднее) ствола, в том числе только семь иностранных. Генерал Петров считал, что Фаустов «отправился по пути тех мест, где происходили сражения, чтобы отыскивать орудия, оставленные неприятелем или зарытые им в землю»³⁸. В таком случае Фаустов должен был организовать отправку из Колоцкого в Москву 50 орудийных стволов, «оставленных на месте» и откопанных. Но прибыли в Московский Кремль только семь орудийных стволов из числа откопанных, а 17 были отправлены в Брянский арсенал на переплавку.

Так, может быть, прав в своем вполне обоснованном суждении В.М. Безотосный, писавший, что «атаман Платов, будучи бесконтрольным и самостоятельным начальником вдали от Главной квартиры М.И. Кутузова, мог без всяких препятствий беззастенчиво заниматься откровенными приписками»³⁹? Так не являются ли припиской 26 захваченных казаками,

брошенных у Колоцкого монастыря и бесследно пропавших неприятельских орудий?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹Бородино: Документ. хроника. М., 2004. С. 129-130.
- ²Там же. С. 273-274.
- ³Там же. С. 275-280.
- ⁴*Митаревский Н.Е.* Рассказы об Отечественной войне 1812 года. М., 1878.
- С. 95.
- ⁵Бородино: Документ. хроника. С. 327-331.
- ⁶Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 202-212.
- ⁷Там же. С. 315-329.
- ⁸Там же. С. 380-336.
- ⁹Там же. С. 344-345.
- ¹⁰Там же. С. 349-357.
- ¹¹Там же. С. 392-395.
- ¹²*Распопов Н.М.* Из воспоминаний // Рус. архив. 1879. Кн. 3. С. 38.
- ¹³*Смирнов А.А.* Шевардинская батарея // Отечественная война 1812 года: Материалы XIV Всерос. конф. М., 2007. С. 12.
- ¹⁴*Михайловский-Данилевский А.И.* Из воспоминаний // Рус. вестн. 1890. Т. 210, № 10. С. 91.
- ¹⁵*Смирнов А.А.* Ответы К.Ф. Левенштерна // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов. М., 2008. Т. VII. С. 193.
- ¹⁶*Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года. СПб., 1859. Т. 2. С. 224.
- ¹⁷М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 176.
- ¹⁸Там же. С. 197.
- ¹⁹Там же. С. 220.
- ²⁰Там же. С. 278.
- ²¹Там же. С. 300-301.
- ²²*Петров В.А.* Орудия отбитые у неприятеля в 1812 году. М., 1911. С. 80-81.
- ²³ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 18. Л. 3-4 об.
- ²⁴*Ларионов А.П.* Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год: Сб. ст. М., 1962. С. 116-133.
- ²⁵ЦИАМ. Там же. Л.4.
- ²⁶*Петров В.А.* Указ. соч. С. 49.
- ²⁷Там же. С. 42.
- ²⁸Там же. С. 39, 41, 42.

- ²⁹ М.И. Кутузов: Сб. документов. С. 176.
- ³⁰ Там же. С. 197.
- ³¹ Там же. С. 251.
- ³² Там же. С. 252.
- ³³ *Петров В.А.* Указ. соч. С. 121-122.
- ³⁴ Донские казаки в 1812 году: Сб. документов... Ростов н/Д, 1954. С. 305-306.
- ³⁵ М.И. Кутузов: Сб. документов. С. 278.
- ³⁶ *Петров В.А.* Указ. соч. С. 14-15.
- ³⁷ М.И. Кутузов: Сб. документов. С. 252.
- ³⁸ *Петров В.А.* Указ. соч. С. 13.
- ³⁹ *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999. С. 102.

